

СЕЛЬСКИЙ СУД РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЕРЕВАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

(конец XIX—начало XX в.)

И. В. ДОЛЖЕНКО

В социальной структуре сельского «мира» определенное место занимал сельский суд, который являлся низшим звеном судебной системы Российской империи. Разностороннее освещение деятельности сельского суда возможно лишь на основе детального, тщательного изучения документов, исходивших от него: приговоров, сделок, договоров. В связи с этим основным источником при исследовании сельского судодействия в русских селениях Ереванской губернии явились архивные документы Центрального государственного исторического архива Армянской ССР, вводимые в научный оборот впервые. На основании их можно выяснить механизм выбора судей, приемы расследования, систему судебных доказательств, применявшуюся сельскими судьями, и роль суда в жизни сельской общины¹. Приговоры сельского суда содержат богатую информацию по обычному праву русских крестьян—норм и представлений, не входивших в официальное законодательство, но устойчиво бытовавших в сельской среде и носивших региональную окраску.

Сельский суд имелся в каждой сельской общине, что отвечало стремлениям крестьян максимально приблизить решение судебных вопросов к своей территориальной общине. Сельский суд вершили три судьи. Каждый из них имел помощника—«кандидата». Выборы сельских судей и кандидатов происходили на сельском сходе двумя способами: голосованием «баллотировкой» и без голосования. На должности судей и их помощников выдвигали шесть человек. Анализ мирских приговоров о выборе сельских должностных лиц показывает, что к «баллотировке» чаще всего прибегали крестьяне сложных общин, охватывающих несколько близлежащих населенных пунктов. В простых общинах на судебные должности выбирали без голосования—«единогласно», «по общему соглашению»², чему, конечно, предшествовало предварительное обсуждение кандидатур. В 1890-е годы встречались случаи, когда один человек совмещал должность судьи с исполнением обязанностей помощника старшины, однако это являлось скорее ис-

¹ Наша работа основана на документах Никитинского сельского управления (ЦГИА АрмССР, ф. 140)—решениях, договорах сельского управления с Никитино Александропольского уезда Ереванской губернии за 1909—1913 гг. Хотя по другим русским селениям документы сельского судопроизводства не выявлены, однако полные материалы, собранные нами среди русских Гугарского, Севанского, Разданского районов Армянской ССР, свидетельствуют об общности сельского управления русских в прошлом, поэтому мы считаем, что деятельность Никитинского сельского суда была типична для других русских селений Ереванской губернии. Отдельные сведения по этим селениям содержатся в фонде Эриванского губернского по поселянским делам присутствия (ф. 91).

Приговоры сельских сходов Ереванской губернии, сосредоточенные в фонде Эриванского губернского правления (ф. 94), дают возможность судить о том, как происходили выборы в сельские судебные должности.

² ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 1, д. 361, 564, 1350, 2069, л., 664, 363 и др.

ключением, чем правилом, и не было характерно для сельских должностных лиц русских селений Ереванской губернии³. Судей и кандидатов выбирали на три года.

В сложных общинах на судебные должности выбирали крестьян из разных селений. В 1896—97 гг. Воскресеновское сельское общество Александропольского уезда состояло из двух русских селений—Воскресеновки и Никитино—и армянского—Бозикенд, и каждое из этих селений было представлено судьей и кандидатом. По такому же территориальному принципу происходили выборы судей и их кандидатов в Нижнеахтинском сельском обществе⁴. Подобная система представительства должна была обеспечить справедливость при решении судебных тяжб между крестьянами разных селений. Обычно первый судья и его кандидат были из того селения, где находилось сельское управление.

От избранных на должность судей и кандидатов крестьян, после утверждения их кандидатур губернатором, в уездном управлении отбиралась подписка «на верность службе». Там же уездное начальство проводило «наглядное обучение по отправлению их обязанностей», которое, очевидно, заключалось в ознакомлении крестьян с обязанностями и правами сельских судебных лиц⁵.

Приговоры позволяют конкретно судить о нравственном облике и личных качествах, которые, по «мирским представлениям», были необходимы судьям. Это были «благонадежные люди», «не развратного поведения», «всегда ведущие себя трезво»⁶. Несомненно, знание общинных правопорядков, природный ум, смекалка также были необходимыми качествами сельских судебных лиц. Телесное наказание по суду, оставление в подозрении по какому-то делу, а также нахождения под следствием являлись препятствиями к избранию на должность судьи.

Интересный материал дает сравнение возраста судей и их кандидатов в последней четверти XIX в. и в начале XX в. Трудно сказать, чем руководствовались крестьяне в 1880-е годы, выбирая на должность судей молодых людей 18—24 лет. В 1886 г. закавказской администрации были установлены возрастные границы сельских судей—не моложе 25 лет⁷. В 1890-е годы на должность судей избирали крестьян старше 30 лет, а в 1910-е годы все судьи были не моложе 40 лет. Грамотность не являлась обязательным условием при выборе судьи даже в начале XX в., при повышении общего уровня грамотности среди русского крестьянства. По имущественному положению сельские судьи, как явствует из раскладочного приговора за 1908 г. с. Никитино, относились к различным категориям крестьян, но преобладали крестьяне среднего достатка⁸.

³ Там же, д. 1495, л. 2; д. 1457, л. 2.

⁴ Там же, ф. 94, оп. 1, д. 2313, л. 7; д. 564, л. 7; д. 2331, л. 2 об.

⁵ Там же, ф. 94, оп. 1, д. 584, л. 1.

⁶ Там же, д. 2473, л. 2; д. 2331, л. 2.

⁷ Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных в губерниях Закавказья (извлечено из «Сборника крестьянских законоположений по Закавказью», ч. 1). Тифлис, 1886 г., с. 38.

⁸ В 1909 г. семья первого судьи, состоящая из 11 человек, имела лишь 7 голов скота при средней общесельской норме на душу—1,7 голов. В то же время на семью второго судьи из 5 человек приходилось 17 голов скота. Судьи, исполняющие обязанности в 1911 г., относились к категории среднеобеспеченных крестьян (ЦГИА АрмССР, ф. 140, оп. 1, д. 2, л. 18—20 об.).

В большинстве русских селений судьи денежного вознаграждения не получали. Лишь в с. Воскресеновка Алекса́ндропольского уезда в 1910-е годы по решению схода из общественных денег судьям выплачивали мизерное жалование—5 руб. в год. Правда, семьи судей и кандидатов освобождались от выполнения натуральных повинностей⁹. Исполнение обязанностей без денежного поощрения, причем в течение трех лет, свидетельствует о высоком общественном статусе сельских судей. тем более, что они в большинстве своем относились к той возрастной группе, которая имела высокую общественную значимость в сельской общине.

Сравнительное изучение материалов сельского схода и решений общественного суда показывает, что конфликтные ситуации, затрагивающие любые стороны внутренней жизни общины, не подлежали обсуждению схода, а находились только в ведении суда. Суд рассматривал гражданские дела, связанные с семейными, трудовыми, моральными правонарушениями, мелкие уголовные дела—воровство, драки и др.

Сельский суд в основном занимался решением гражданских дел. По данным Эриванского губернского по поселянским делам присутствия за 1910 г. в Нижитино было рассмотрено 7 уголовных и 17 гражданских дел, в трех селениях Нижнеахтинского русского общества—3 уголовных и 15 гражданских дел и заключено 7 сделок и договоров¹⁰.

Судьи, входя в число сельских должностных лиц, были обязаны каждую неделю являться в сельское управление для обсуждения различных вопросов, связанных с жизнью общины. Сельский же суд для разбора судебных дел собирался по мере необходимости и на одном заседании мог рассмотреть несколько жалоб, по каждой из которых выносилось отдельное решение.

Судебная процедура была довольно простой. Истец делал «случайное» заявление писарю о своих притязаниях к другому лицу, тот записывал жалобу и сообщал о ней судьям. В суд обращались не только мужчины, но и женщины, правда, очень редко.

Истец и ответчик вызывались в суд повестками или оповещались десятником. В случае неявки на судебное заседание одной из сторон без уважительной причины, обычно ответчика, суд решал дело в ее отсутствие, впоследствии ставя в известность о принятом решении. Если же были «законные» причины для неявки, судьи могли отложить разбор дела. Ответчика и истца к присяге не приводили.

Судьи внимательно выслушивали обе стороны и выносили приговор, который записывался в книгу решений сельского суда. Изредка книгу просматривал—«обревизовывал» мировой посредник уезда и оставлял там соответствующую запись о замеченных недостатках¹¹. Замечания его касались главным образом формы записей, а не сути приговоров.

Судебное делопроизводство вел писарь. Сельский старшина не должен был вмешиваться в действие суда, однако исполнение приговора входило в его обязанности. Запись судебных решений имела устойчивый формуляр и представляла собой своего рода краткий конспект всего судебного разбирательства, сохраняя в записи такие ситуации, которые в другом месте не могли быть зафиксированы. В

⁹ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 159, л. 189 об.—194; ф. 94, оп. 1, д. 633, л. 7; д. 2473, л. 8.

¹⁰ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 159, л. 194 об.; д. 162, л. 6 об.—7.

¹¹ Там же, ф. 140, оп. 1, д. 4, л. 13; д. 5, л. 12 об.

начальной части указывалась дата заседания и затем следовал формализованный текст: «Судьи Никитинского сельского общества в полном своем составе...» Присутствие всех судей или их помощников являлось обязательным условием судебного действия. За неявку на суд без уважительной причины мировой посредник мог наложить на судью денежный штраф¹². В приговоре подробно фиксировались жалоба истца и—почти во всех решениях—мнение ответчика.

Сельские судьи, как отмечалось в предписаниях губернского присутствия, «в первую очередь» обязаны были склонить обе стороны к примирению, поэтому в некоторых приговорах после изложения мнения ответчика отмечено: «после чего стороны к примирению не согласились»¹³.

Затем судьи выносили свое решение—«определение». Важно учесть, что формирование мнения судей по тому или иному делу происходило до судебного разбирательства. Несомненно, сельские судьи заранее знали о происшедшем в селении конфликте. Им были известны суждения других членов общины, выявляемые в повседневной жизни, а также личные качества истца и ответчика. Поэтому судебное решение, выносимое судьями, практически означало общественное мнение. Решение суда заверялось подписями и печатями судей, а также подписывалось писарем, истцом и ответчиком.

Судебное разбирательство, не закончившееся примирением, иногда предполагало недовольство одной стороны, чаще всего ответчика, решением суда и выражалось в отказе стороны подписать приговор, что обязательно оговаривалось в формуляре: «ответчик от подписи отказался»¹⁴.

Несогласная с решением суда сторона имела право в течение месяца отправить жалобу в губернское присутствие с копией приговора, где выносили решение о правильности приговора. После этого решение суда приобретало форму закона и подлежало исполнению.

Как показывает анализ содержания решений сельского суда с. Никитино за 1909—1913 гг., значительную часть составляли приговоры о взыскании денег по вексялям, распискам, торговым («коммерческим») книгам—17 из 41 решения, или 41% всех решений. Эти дела, имея неопровержимые письменные доказательства, решались в пользу истца.

Среди русских крестьян встречался, правда редко, обычай займа денег под поручительство. В этом случае в суде предварительно составлялось поручительное свидетельство, которое подписывалось поручителями—односельчанами. Оно являлось письменной гарантией возврата денег, и в случае невыплаты долга крестьянином материальную ответственность несли поручители, то есть фактически здесь наблюдалась круговая порука среди группы общинников¹⁵.

В расписках, вексялях сроки кредита не оговаривались и, очевидно, устанавливались по устной договоренности крестьян. Судя по датам расписок и заседаний сельского суда, они были различными и составляли от одного-двух месяцев до 10-и лет.

В подобных делах истцами выступали состоятельные крестьяне, причем некоторые из них неоднократно фигурировали в решениях суда, что свидетельствует о существовании в среде крестьян опреде-

¹² Там же, ф. 91, оп. 1, д. 334, л. 75.

¹³ Там же, ф. 140, оп. 1, д. 5, л. 12 об.; д. 4, л. 5 об.

¹⁴ Там же, д. 4, л. 13 об., 15 об.

¹⁵ Там же, д. 5, л. 7—8.

ленной прослойки, занимающейся ростовщичеством¹⁶. В кредит брали деньги не только у односельчан, но и у крестьян из соседних селений—Воскресеновки, Головино.

Истцами выступали также опекуны, требовавшие возврата сиротских денег, сборщики податей с жалобой на односельчан, не выплативших сполна все причитающиеся с них денежные взносы¹⁷.

Иски по невыплаченным расчетам в хозяйственных сделках также входили в компетенцию сельского суда.

Контроль сельского суда за денежными, хозяйственными операциями был вызван заботой об устойчивости крестьянского хозяйства, что было тесно связано с платежеспособностью каждой хозяйственной единицы и определялось фискальными функциями общины.

Крестьянская наблюдательность, практический ум, хорошее знание вопросов сельского хозяйства и быта обеспечивали, как правило, справедливость при решении дел о потравах, пропаже сена и т. д. При расследовании подобных дел большая роль отводилась понятым. В случае жалобы на потраву сельский суд отправлял на место происшествия односельчан, которые определяли, действительно ли этот участок находился в ведении истца, а также устанавливали стоимость нанесенного ущерба¹⁸. Объективность понятых являлась гарантией правильного решения судебного дела.

Иногда суд отказывал истцу в полной уплате причитающихся ему денег за сельскохозяйственную продукцию, пропавшую скотину, считая, что цена, на которой настаивает истец, не соответствует стоимости. Например, в 1913 г. А. Морозова потребовала с общественного пастуха М. Харатова 50 руб. за пропавшего быка. Пастух, признавая свою вину, был согласен заплатить меньшую сумму. На основании оценки понятых судьи определили взыскать с пастуха 40 руб., «как более не стоящий утерьянный бык»¹⁹.

При решении спорных вопросов, например, при отсутствии улик и отказе ответчика признать свою вину, судьи прибегали к показаниям свидетелей, даже косвенных. Это не исключало возможности произвольного решения²⁰. Несомненно, что в подобных случаях немалую роль играл общественный статус свидетелей, а также моральные качества истца и ответчика.

За самовольное взятие чужого имущества сельский суд выносил решение не только о возврате его, но и о выплате штрафа в пользу общества²¹.

Среди решений Никитинского сельского суда выделяются приговоры, основанные на «суде Божьем». В 1911 г. истец А. Толмачев обратился в суд с просьбой взыскать с И. Попова долг в размере 15 руб. Ответчик «не сознавал себя должным», а письменное обязательство в виде расписки или векселя отсутствовало. Отказ ответчика «принять слово в Евангелии» послужил основанием для решения суда в пользу истца²².

Русские крестьяне имели широкие хозяйственно-культурные кон-

¹⁶ Там же, д. 4, л. 20—20 об., 21 об., 22; д. 5, л. 2—3, 11 об.

¹⁷ Там же, д. 5, л. 2.

¹⁸ Там же, л. 13—14.

¹⁹ Там же, д. 5, л. 6—6 об., 26 об.

²⁰ Там же, д. 4, л. 10—11.

²¹ Там же, л. 11 об.

²² Там же, д. 5, л. 4—4 об.

такты с армянами, и при решении спорных вопросов сельские судьи также применяли «суд Божий».

В 1913 г. судьи рассматривали дело между никитинским крестьянином В. Цыкиным и двумя пастухами, жителями соседнего армянского селения Бозикенд, по поводу уплаты последними стоимости погибшей телки. Пастухи свою вину отрицали. Судьи постановили: старшему пастуху принести присягу бозикендскому священнику и, если при этом не признает себя виновным, то в иске истцу отказать²³.

Таким образом, среди русских крестьян Восточной Армении еще в начале XX в. при решении неясных вопросов крестьянские судьи прибегали к «суду Божьему»—явлению, довольно редкому в практике крестьянских судов русских внутренних губерний России, Сибири даже в конце XIX в. Возможно, столь длительному сохранению этого древнего обычая среди русских крестьян Восточной Армении способствовало широкое бытование «суда Божьего» среди армянских крестьян.

Крестьяне обращались в сельский суд и по вопросам морали и общезития. Поддержание общественных порядков в селении являлось задачей всех звеньев сельского управления, в том числе и сельского суда. При разборе подобных дел суд выражал мнение общины в вопросе недопустимости ущемления личных и общественных интересов членов общины, что поддерживалось нормами общественной жизни²⁴.

За 1909—1913 гг. вопросы семейного быта послужили предметом обсуждения в сельском суде лишь три раза, причем в сфере имущественных притязаний. Любопытно, что в двух случаях претензии были направлены к одному и тому же лицу.

На основании того, что семейные коллизии не являлись предметом частых расследований суда, не следует делать вывод об идиллических семейных отношениях среди сектантов, о чем писали некоторые дореволюционные исследователи. Скорее всего авторитет стариков в семье был очень сильным. Определенную роль играли и религиозные воззрения молокан, поддерживающие главенство мужчин в семье, а также деятельность сельской общины, которой была выгодна стабилизация семейного быта крестьян.

С конца XIX в. в результате реальных процессов, происходивших в социально-экономической жизни края, наблюдается постепенное разрушение патриархальных основ крестьянской жизни, что вызвало изменения в канонах обычного права. Наглядный пример этого—жалоба в суд сына «изъять отцовское имущество у матери» и передать в его пользу. Мать же утверждала, что после смерти мужа в течение 10 лет имуществом распоряжается ее сын и «в каком имуществе препятствия со стороны ее не имеется». за исключением «дома о двух комнаток... и одной комнаты (колесни) у ворот и одной коровы...»²⁵ Судьи встали на сторону сына: его утвердили в правах на движимое и недвижимое имущество. Подобное решение, ограничивающее свободу матери распоряжаться семейным имуществом, вероятно, было продиктовано заботой общины об экономической устойчивости крестьянского двора. В «определении» судей содержались и наставления, свидетельствующие о морально-этических нормах крестьян по отношению к родителям: сын был обязан мать «кормить,

²³ Там же, л. 4—4 об.

²⁴ Там же, д. 4, л. 23—23 об.

²⁵ Там же, д. 5, л. 16—17.

поить и одевать без малейшего оскорбления», в противном случае он терял право на имущество.

В сельский суд обращались и армяне, имевшие претензии к никитинским жителям. Из 41 судебного приговора в 12 случаях ответчик и истец были людьми разных национальностей. При разборе подобных дел бросается в глаза объективность судей, которые в 11 судебных расследованиях вынесли приговор не в пользу единоверцев, прибегая для установления истины в сложных случаях к показаниям понятых, свидетелей и даже к «Божьему суду».

Как указывалось выше, несогласная с решением сельского суда сторона была вправе в течение месяца послать жалобу в Эриванское губернское по поселянским делам присутствие, предоставив копию приговора. За 1909—1913 гг. из 41 приговора лишь шесть были обжалованы в присутствие. Конечно, следует иметь в виду, что не всякий «обиженный» решался подать жалобу, что было связано не только с материальными и временными затратами для поездки в Эривань, но—что было более важно—этим крестьянин противопоставлял себя обществу, поскольку судьи, в большинстве случаев, выражали мнение сельского «мира».

Решения Эриванского присутствия по жалобам крестьян содержат информацию о соотношении обычно-правовых норм, определявших жизнь русской деревни, и законодательных гражданских норм.

По жалобам крестьян, связанным с материальными претензиями, присутствие подтвердило справедливость решений суда²⁶. Приговор, в котором судьи настаивали на возврате долга без письменных доказательств, основывая свое суждение на возврате должником части денег, присутствие отменило, но предоставило суду право вновь рассмотреть жалобу²⁷. Присутствие также не согласилось с решением судей, приговоривших крестьянку Новикову к общественным работам за «нарушение спокойствия» в семье односельчанина, к сожалению, не указывая, на каких основаниях. Но выявленные нами отмененные присутствием приговоры сельских сходов, связанные с наказанием общинников, нарушивших нормы общественной жизни, свидетельствуют, что административные взыскания, в которых ярко проявлялись демократичность и самостоятельность сельского «мира», были не по нраву администрации и, по ее мнению, означали превышение дозволенной власти. На одном из приговоров сельского схода была наложена резолюция: «сельское общество вышло из круга своего ведомства и пределов власти, так как установление штрафов... не предоставлены сельскому обществу»²⁸.

В компетенции сельского суда находилось оформление сделок, договоров и духовных завещаний. Книга подобных документов Никитинского сельского общества представляет собой полный комплект актов за 1911—1913 гг. (26 документов) и состоит из «купчих крепостей», договоров о найме на работу, о сдаче земли, домов в аренду. Имеется акт о получении «сполна» сиротой, по достижении совершеннолетия, денег от опекуна²⁹.

Договоры содержат подробные условия предстоящей сделки. Су-

²⁶ Там же, д. 4, л. 5—9; д. 5, л. 13 об.

²⁷ Там же, д. 4, л. 21 об.

²⁸ Там же, д. 4, л. 23—23 об.

²⁹ Там же, д. 6.

шествование частнопроводного акта свидетельствует о распространении капиталистических отношений в среде русских сектантов.

Большую часть актов представляют «купчие крепости»—договоры о продаже «поместий»—домов с усадебными участками. Интересно, что в 1911 г. в формулировке купчих крепостей постоянно фигурировало выражение «продал». Мировой посредник Александропольского уезда, проводя ревизию книг сельского управления, отметил: «не следует употреблять выражение «продал» и «продали», так как поселянам не предоставлено право продавать наделное имущество», и в последующих договорах уже записывалось «отдал»³⁰.

Договоры заключались как между односельчанами, так и между родственниками: отцом—сыном, братьями. Причиной продажи домов явилась миграция крестьян из родного селения. Место выезда указано лишь в одном акте, причем в нем имеется оговорка следующего содержания: «если я, Иван Петрович Рудометкин, в течение двух лет от сего числа, возвращусь из-за границы, то имею полное право на отданный дом и что перечислено в сем договоре взять обратно у него, Алексея Петровича Рудометкина, с возвращением ему уплоченных им денег лишь за дом»³¹. Между братьями было составлено два договора. Первый заключал лишь перечисление продаваемого движимого и недвижимого имущества, а во втором, кроме этого, имелось и дополнение, красноречиво свидетельствующее о нарушении традиционных отношений в семье: «присовокупляю, что за отданное.. ему имущество, обязываю его взять на свое иждивение нашу родную мать Варвару Ивановну, которую он обязан споконить до смерти ее, не допуская себе к ней огорчения, а равно и семейства, и помогать ей денежной суммой по силе возможности»³².

Подобные договоры—яркое свидетельство противоречивого характера сельской общины, когда в ней прекрасно уживалось общинное владение землей с частной собственностью на усадебные земли, своего рода симбиоз общинной собственности с частной. Кстати, право собственности переходило и на участки наделной земли в период между переделами, когда крестьянин имел право сдать свой надел в аренду.

Письменное оформление права наследования усадебных земель, а также продажа их посторонним лицам свидетельствуют об изменении крестьянских представлений о семейной собственности, которая становится предметом купли-продажи, правда, в пределах общины. Усадебные земли, составлявшие фонд общинных земель, не подлежали отчуждению, и покупателями выступали лишь односельцы.

В договорах подробно описывается жилище, хозяйственные постройки, входившие в состав дворового комплекса, иногда указывается на хозяйственное назначение приусадебной земли, причем с местной терминологией, которую в настоящее время полностью восстановить в полевых условиях не представляется возможным. Поэтому частнопроводные акты являются прекрасным источником для изучения материальной культуры русских крестьян.

Договоры, оформлявшие арендные отношения, наем на работу, приобретали силу лишь после оформления в сельском суде. В аренду сдавали земельные участки не только крестьяне, но и сельское об-

³⁰ Там же, д. 6, л. 11 об.

³¹ Там же, л. 18.

³² Там же, л. 19 об.

щество. Арендвали и помещения. Арендаторами выступали как односельчане, так и крестьяне других селений. Например, в 1913 г. воронцовский крестьянин И. Зольников арендовал в с. Никитино дом под молочный завод³³.

В отношении земельных участков, сдаваемых крестьянами, срок аренды определялся следующим земельным переделом. При найме помещений оговаривались и постройки, которые мог возвести арендатор. По истечении срока аренды строения, возведенные арендаторами, оставались в пользу владельца. В случае обоюдного согласия договор мог быть расторгнут раньше установленного срока.

В договорах о найме работников оговаривались условия. В актах подробно перечислялись работы, которые должен был выполнять работник, и их качество. Сроки найма были различными—на летнюю страду, на сенокос, иногда на год. Годового работника хозяин был обязан «содержать на своем всем готовом, то есть обувать, одевать до срока». В случае неточного исполнения договора все убытки принимал на себя нарушитель—хозяин или работник, а договор оставался «в прежней своей силе». Наниматель не был вправе выгонять работника до срока. Деньги выплачивались полностью, при подписании документа, или частями³⁴.

В ведении сельского суда находилось и юридическое оформление документов завещательного характера. К сожалению, духовных завещаний всего два, что недостаточно для характеристики имущественных отношений, но, тем не менее, они являются ценными документами для выяснения семейных отношений, этических норм крестьянской жизни. Наследовалось право распоряжаться домом, хозяйственными постройками, домашней утварью, орудиями труда, скотом, то есть движимым и недвижимым имуществом.

Чрезвычайно интересным для характеристики изменений, происходивших в семейной жизни русских сектантов в начале XX в., является договор, заключенный между отцом и сыном Суковицыными в 1912 г.: отец передавал старшему сыну, что установлено нами по посемейным спискам 1886 г., дом из двух комнат, баню и половину усадьбы (другая половина, очевидно, принадлежала отделенному младшему сыну, чье поместье находилось по соседству с отцовским домом). Это имущество должно было перейти к сыну после смерти родителей, и сын принимал на себя обязательства «кормить, поить и одевать *без малейшего оскорбления*» (подчеркнуто нами.—И. Д.). В противном случае договор аннулировался³⁵.

Такой письменный договор-сделка, подробно регламентировавший взаимоотношения сторон, свидетельствовал о разложении большесемейных традиций, когда младшие беспрекословно подчинялись словесным указаниям старших. Теперь же старики, чтобы сохранить себе сносные условия жизни в семье, вынуждены были ограждать себя письменным договором с детьми, которым передавали все хозяйство. Вполне вероятно, что подобные завещания преследовали цель предотвратить раздоры между детьми после смерти родителей.

В целом можно отметить, что слабая распространенность духовных завещаний обнаруживает живучесть норм обычного права в вопросах наследования в среде русских крестьян.

³³ Там же, л. 15.

³⁴ Там же, л. 20 об.—21, 22—22 об., 38 об.—39.

³⁵ Там же, л. 37. В 1914 г. этот договор был расторгнут. Причины, к сожалению, не указаны.

Итак, в конце XIX—начале XX в. в русских селениях Ереванской губернии сельский суд являлся неотъемлемой частью общинного самоуправления, и роль его в поддержании общественного порядка, традиционных приемов и норм поведения в сельском «мире» была значительной.

Два фактора определяли устойчивое бытование и функционирование сельского суда в общинах русских крестьян даже в начале XX в. Во-первых, известная самостоятельность общины в судебных вопросах отвечала интересам крестьян, которые имели возможность разрешать повседневные мелкие вопросы на основе сложившихся правил и обычаев и, что было особенно важно при жизни в иноэтническом и иноконфессиональном окружении, в своей среде. Во-вторых, сельский суд был выгоден и государству. Он освобождал правительственные судебные органы от многочисленных дел, не имеющих принципиального значения для властей, так как без предварительного рассмотрения дела в сельском суде нельзя было подать жалобу в вышестоящий, каковым для крестьян являлось Эриванское губернское по поселянским делам присутствие.

Однозначность разрешения сельским судом ситуаций свидетельствует о наличии устоявшихся традиций в правовом подходе к той или иной деревенско-семейной коллизии, иначе говоря, о наличии определенных норм обычного права, которыми крестьяне руководствовались в повседневной жизни. Приговоры суда фактически являются записями обычного права в сельской юридической практике. Фрагментарные в каждом отдельном случае, они в совокупности дают довольно полную картину сельского судопроизводства.

При выборе судей, при проведении судебных дознаний «голос имущественной состоятельности» не играл определяющей роли, и суд «стариков» по сравнению с внутренними губерниями России оставался еще довольно демократичным органом сельского управления. В сельском суде сохранялись патриархальные порядки мирского судопроизводства, например, широкое бытование «суда Божьего». Традиции подчинения решениям сельского суда соблюдались в общине достаточно жестко.

ՆՐԵՎԱՆԻ ՆԱՀԱՆԳԻ ՌՈՒՍ ԳՅՈՒՂԱՑԻՆԵՐԻ ԳՅՈՒՂԱԿԱՆ ԴԱՏԱՐԱՆԸ (XIX դարի վերջ—XX դարի սկիզբ)

Ի. Վ. ԴՈՒԺԵՆԿՈ

Ա մ ֆ ո ֆ ու մ

Սրանի նահանգի ուսական շենքում գյուղական դատարանը հանդիսացել է համայնական ինքնավարության անբաժանելի մասը. նրա դերը նշանակալի է եղել գյուղական համայնքում, մանավանդ, հասարակական կարգի և ավանդույթային կենցաղի ու վարքի նորմերի պահպանման գործում: Գյուղական դատարանի կողմից նմանատիպ իրադրությունների միանշանակ լուծումը վկայում է սովորույթային իրավունքի որոշակի նորմերի առկայությունը, որոնցով դեկավարվել են գյուղացիները առօրյա կյանքում: Դատավորներ ընտրելիս, դատական քննությունների վարույթի ընթացքում քունեոր-հարուստների ձայնը՝ վճռորոշ դեր չի խաղացել և ռալե-վորներին՝ դատարանը, ի տարբերություն Ռուսաստանի ներքին նահանգների, մնացել է դեռևս գյուղական ինքնավարության բավական ղեկավարական օրգան: Գյուղական դատարանում պահպանվել են համայնական դատավարության նահապետական կարգեր, դրանցից որոշիս վառ օրինակ՝ «Աստու դատաստանի» լայն կիրառությունը: Գյուղական դատարանի որոշումներին ենթարկվելու ավանդույթները պահպանվել են բավականաչափ խոտորեն: